

социологических и собственно исторических изысканий и дать почувствовать, что его научная деятельность составляет целую эпоху в нашей историографии.

Все шире и глубже охватывая русскую историческую действительность в ее целостности, Ключевский много сделал для научной ее конструкции и для последующей ее разработки: он высказал немало блестящих гипотез и построений, которые всего более будили нашу историческую мысль и двигают ее вперед даже в тех случаях, когда она подвергается критике его собственные предположения. Вместе с тем Ключевский умел «говорить» не только отвлеченными формулами, но и живыми образами; они подсказывают читателю многое, что он не мог бы воспринять из строго размеренной речи кабинетного ученого: они дают чувство прошлой жизни и заставляют переживать историческую действительность, а переживание ее облегчает деятельное, иногда даже новое понимание того, что было. Ключевский не довольствовался, однако, такими результатами: сам глубоко переживая и прошлые судьбы нашей родины, и социальные реформы шестидесятых годов, и тяжелую политическую борьбу последних лет, он думал, что история отечества должна иметь также прикладную цель для детей его; своими трудами он хотел содействовать тому, чтобы каждый из нас был «хоть немного историком» и мог «стать сознательно и добросовестно действующим гражданином». И едва ли можно сомневаться в том, что Ключевский в значительной мере достиг своей цели: читая его историю русской народности, каждый из нас чувствует, что он живет не только в ее прошлом, но и для ее будущего...

Записка об ученых трудах ординарного профессора Императорского Московского университета В. О. Ключевского

Всякому, кто сколько-нибудь следил за развитием русской историографии в течение последних тридцати лет, хорошо известны труды профессора В. О. Ключевского: его крупный исторический талант говорит сам за себя, а научные заслуги, так ярко проявившиеся в целом ряде специальных исследований, не нуждаются в подробной мотивировке. В нашей записке мы поэтому лишь в самых главных

чертах припомним результаты ученой деятельности профессора Ключевского и укажем на общее ее значение.

Ученик С. М. Соловьева, В. О. Ключевский легко усвоил себе то историческое мировоззрение, приверженцы которого, помимо пищи, доставляемой историей философскому и эстетическому созерцанию, признавали еще «сторону, более важную для изучения и более нужную для практических потребностей настоящего и будущего», а именно обращали особое внимание на «природу и действие сил и условий, участвующих в построении человеческих обществ». Лекции С. М. Соловьева, посвященные изучению органического развития русской государственности, наряду с которою он не упускал из виду и «истории сословий», оказали влияние на слушателей, в числе которых едва ли не первое место занимал некогда и В. О. Ключевский: еще в бытность свою студентом Московского университета он написал рассуждение «Сказания иностранцев о Московском государстве» (М., 1866) и до сих пор не потерявшее значения довольно полного свода иностранных известий о тех сторонах древнерусской жизни, изображение которых наименее могло потерпеть от произвола личных суждений писателей.

Тема для магистерской диссертации также была избрана В. О. Ключевским, вероятно, под влиянием С. Соловьева, как известно, придававшего большое значение процессам колонизации в нашей истории. В. О. Ключевский с такой же точки зрения обратился к древнерусским житиям; в них он надеялся найти обильный и свежий источник для изучения одного факта древнерусской истории, а именно: участия монастырей в колонизации северо-восточной Руси. По мере работы, однако, над значительным и большею частью рукописным материалом (150 житиями в 250 редакциях), рассеянным в различных древнехранилищах, частных и публичных, ему пришлось видоизменить самую постановку темы: так как в житии обыкновенно изображена не жизнь отдельного человека, а на судьбах его развит отвлеченный назидательно-христианский идеал, то В. О. Ключевский в содержании житий как историк не мог найти удовлетворения. В своем исследовании, чрезвычайно богатом фактическими данными по части русской агиографической литературы, он обратился к изучению житий не столько как источника, сколько как явления; он установил не только основные редакции большинства наших русских житий, но разъяснил и самые процессы агиографического творчества. Не ставя себе задачей ни рассмотрение тех путей, которыми приемы искусственной агиобиографии проникали в нашу старинную письменность,

ни исследование всех подробностей их развития у наших древних книжников, В. О. Ключевский значительно выяснил среду, в которой зародилась литературная форма житий, и последующий ее рост как по содержанию, так и по форме, причем обратил внимание и на воздействие читателей, видоизменившее их характер.

Уже в магистерской диссертации В. О. Ключевского заметны особенности его таланта: обнаруживая замечательную чуткость и тонкость наблюдения, он вместе с тем мастерски пользовался конкретными обломками старины для воспроизведения целого; в старинном памятнике он чувствовал биение жизни, распознавал в нем общие черты изучаемого явления и представлял его в живом образе. Те же качества, но в еще большем рельефе, встречаем мы и в последующих научно-исторических трудах профессора В. О. Ключевского.

Как указал В. О. Ключевский, С. М. Соловьев в своем в своем университетском курсе обращал внимание на «историю сословий», а не только на один «государственный быт». С такой же социально-политической точки зрения приступил В. О. Ключевский к изучению боярской думы; несмотря на первенствующее значение боярской думы в истории московского политического строя, в нашей исторической литературе не существовало ни одного специального исследования о ней, если не считать первый выпуск истории русского права профессора Н. П. Загоскина¹, вышедшего за несколько месяцев до появления труда профессора В. О. Ключевского в 1880 году. Глубоко проникнутый идеей о согласованности общественных явлений между собою, автор «Боярской думы древней Руси» затронул в своей докторской диссертации множество самых разнообразных и общих тем, большею частью самостоятельно разработанных и оригинально освещенных. Таковы, например: роль колонизации в разложении родового быта племен славяно-русских; правительственное значение древнерусского города вообще и старших городов в особенности; борьба прав: княжеского и городского в древнее время; земледельческий (а не торговый) характер населения в Московской Руси и соединение обычных прав частного собственника с государственною властью в лице удельного князя на севере; удельное управление, в особенности дворцовое; образование московской правительственной аристократии как политической силы, которая, однако, не имела власти, ограниченной законом; положение служилого князя на уделе с остатками суверенных прав, все еще не ускользнувших из его рук; общественный и политический кризис в Московском государстве во второй половине XVI века; влияние «социального состава

управления» на его развитие; положительное значение московской приказной администрации сравнительно с позднейшими органами центрального управления. Кроме целого ряда общих тем по социальной и политической истории Московского государства, намеченных и отчасти решенных В. О. Ключевским в «Боярской думе», мы находим здесь, разумеется, и специальное исследование о боярском совете с древнейших времен вплоть до превращения аристократического совета в бюрократическое учреждение и замены его Сенатом. Перемены в социальном и правительственном составе думы в XVI–XVII веков, постепенно приобретшей значение центрального органа управления, и законодательное значение ее были впервые обстоятельно выяснены В. О. Ключевским. Если не все гипотезы, высказанные автором, получили признание в нашей литературе, то во всяком случае все они вызывали на размышление и на дальнейшую работу: под влиянием «Боярской думы» возникло несколько новых трудов молодых ученых, развивавших взгляды профессора В. О. Ключевского.

Сам автор «Боярской думы» вскоре обратился к более специальным исследованиям частью по социальной, частью по специально-политической истории Московского государства; в 1885–1886 годах он напечатал известные статьи об отмене холопства и прикреплении крестьян², а в 1891–1892 годах приступил к изучению состава представительства на земских соборах³. Оба труда существенным образом изменили господствовавшие до того времени взгляды на некоторые из важнейших явлений древнерусской жизни.

До появления исследований профессора В. О. Ключевского наши историки сводили процесс прикрепления крестьян к истории московской правительственной политики: частную зависимость крестьян от землевладельцев и ее возрастающее влияние на ход прикрепления они почти вовсе упускали из виду. Благодаря обширным познаниям своим в области рукописных сборников юридических актов, укреплявших те или другие гражданские сделки, профессору В. О. Ключевскому удалось впервые несколько выяснить значение подобного рода явления в истории прикрепления. В одном ряде статей он проследил развитие холопства, состоявшее в постепенном осложнении его состава целым рядом разновидностей, что ослабляло безусловность холопской зависимости, и в любопытном превращении холопов, как вещей своих господ, в лиц, наделенных некоторыми личными и имущественными правами. Крайне тонкая и сложная работа, состоявшая в том, чтобы выделить влияние христианских идей и экономических интересов, а также роль

церкви и государства в таком процессе и определить их взаимное значение, мастерски выполнена профессором В. О. Ключевским. В другом ряде исследований, совершенно правильно исходя из положения, что древнерусское законодательство признавало крепостным человека прежде всего и преимущественно холопа, он выяснил личный, а не поземельный характер крепостного права, строго отличая его от крепостного состояния, которое слагалось не из одних крепостных отношений. В связи с указанною точкою зрения профессор В. О. Ключевский впервые дал блестящий анализ кабального холопства; приведши его в связь с издельным крестьянством, которое за подмогу создавало такую же личную крепостную зависимость крестьянина от владельца, в какую служба за рост ставила кабального холопа, он выяснил постепенное смешение договоров займа и найма в их юридических последствиях, способствовавших дальнейшему ходу прикрепления. Доказав возрастание личной зависимости крестьянина от землевладельца, профессор В. О. Ключевский изучил затем любопытное явление совладения крестьянским имуществом землевладельца и крестьянина, получавшего от него ссуду, что и порождало имущественную зависимость одного от другого. Профессор В. О. Ключевский открыл, кроме того, новый фактор в прикреплении, а именно «старину», причем и в ней попытался различить старину кабальную от старины тяглой и писцовой. Наконец, автор попытался выяснить, каким образом основные элементы долгового холопства, осложнившись условиями крепостного состояния, прежде и более всего государственным тяглом, получили особый юридический характер, присущий крестьянскому состоянию. Исследование профессора В. О. Ключевского о том, каким образом движение холопства в сторону крестьянства встретилось с противоположным движением крестьянства в сторону холопства и как этот двойной процесс завершился первою ревизией, можно считать одной из самых блестящих научно-исторических работ не только в русской, но и в иностранной исторической литературе последнего времени.

Важное значение имеет также исследование профессора В. О. Ключевского о «составе представительства на земских соборах древней Руси», написанное с той же социально-политической точки зрения, которая уже обнаружилась в «Боярской думе», но здесь проведена с большею строгостью и приложена к более определенно поставленной теме. Микроскопический анализ состава соборного представительства в XVI–XVII веках привел автора к совершенно новому выводу: представительство на первых земских соборах

было скорее представительством по служебному положению, чем по общественному доверию; кроме того, связав историю земских учреждений XVI века с историей земских соборов, профессор В. О. Ключевский выяснил происхождение и значение представительства в XVI веке как «высшей формы поруки в управлении», ибо правительство, созывая собор, стремилось «обеспечить себе дружное и усиленное содействие всех местных обществ, представители которых, поручившись за исполнимость соборного приговора, должны были принять на себя и провести в местные общества ответственное его исполнение».

В своих разысканиях по социально-политической истории России преимущественно московского времени профессор В. О. Ключевский, естественно, должен был натолкнуться на целый ряд тем по истории экономической и культурной. Одним из самых трудных вопросов, настоятельно требующих решения в области первой из них, конечно, надо признать вопрос о ценности рубля. Первая попытка правильной постановки его в нашей литературе, т. е. определение постепенных изменений, происшедших в соотношении меновой ценности рубля XVI–XVIII веков к современной, принадлежит профессору В. О. Ключевскому⁴. Для достижения вышеназванной цели он, не прибегая к так называемому *index numbers* и к истории стоимости драгоценных металлов на рынке, обратился, после весьма сложных метрологических изысканий, к изучению хлебных цен XVI–XIX веков. Хотя некоторые из выводов профессора В. О. Ключевского (относительно XVI в.) теперь уже несколько пошатнулись, но в его разысканиях нельзя не признать первой и весьма ценной попытки подойти к решению одного из самых основных вопросов по истории нашего хозяйства. Культурно-исторические очерки профессора В. О. Ключевского касаются, главным образом, состояния нашего просвещения в XVII–XVIII веках как в отдельных его представителях, так и целых течениях. Так, например, в своем сочинении о «западном влиянии в России XVII в.»⁵ профессор В. О. Ключевский изучил те «колебания и сомнения, с которыми русское общество сближалось с Западною Европой, страх его перед иноземною цивилизацией и образование того направления, представители которого не сумели преодолеть своей косности, не последовали за общим движением русской церкви и, оторвавшись от нее, образовали раскол старообрядства». Притом автор обратил свое внимание исключительно на тот нравственно-психологический переворот, который происходил в каждом старообрядце, отделившемся от церкви, что и придает вышеназванным статьям своеобразный интерес: здесь

профессор В. О. Ключевский дает характеристику вещественности религиозных представлений старинного русского общества, а также любопытный анализ понятий «обрядности» и «старообрядства»; далее, он выясняет значение идеи, возникшей у некоторых русских людей того времени, под влиянием падения Константинополя, о самодовлеющем, а следовательно, и косном характере русской православной церкви, и, наконец, останавливается на изучении той «латинобоязни», которая оправдывала первоначально их довольно робкий формализм религиозного чувства и была одною из главнейших причин раскола. Большим обилием наблюдений и ценных замечаний отличаются также статьи профессора В. О. Ключевского, главным образом, о некоторых из русских просвещенных деятелей XVIII века, в совокупности дающие довольно широкое понятие о нашей культуре во второй половине XVIII века.

В целом ряде научно-исторических разысканий профессора В. О. Ключевского, как видно, обнаружился крупный исторический талант, тем более редкий, что в его произведениях тонкий анализ «механизма общежития» обыкновенно соединяется с глубоким синтезом, постоянно имеющим в виду конкретно-жизненное содержание изучаемого объекта, а иногда доходящим до научно-художественного его изображения. Обширное знакомство профессора В. О. Ключевского с московскими архивами, его многолетняя опытность и научный характер его метода в специальных исторических работах дают нам полное основание надеяться, что в лице нашего кандидата Академия приобретет сочлена, который еще в течение многих лет будет принимать весьма важное для науки участие в академической деятельности по разработке отечественной истории. Ввиду вышеизложенного соображения и за отсутствием второй ординатуры по истории на нашем Отделении, мы считаем своим долгом, с разрешения Его Императорского Высочества Августейшего Президента, предложить избрать члена-корреспондента Императорской Академии наук и ординарного профессора Московского университета Василий Осиповича Ключевского в иногородние ординарные академики Императорской Академии наук.

